УТВЕРЖДАЮ

_____

Ректор
Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения
высшего образования
«Челябинский государственный институт культуры»

Синецкий С.Б. _____

«___»_____2026 г.

**ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ**
Челябинского государственного института культуры
на диссертацию Деникина Антона Анатольевича
**«ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ» КОММУНИКАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И МЕДИЙНЫХ ПРАКТИКАХ**
представленную на соискание ученой степени доктора культурологии
по специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства

Современная культурная ситуация характеризуется беспрецедентным ускорением технологических, социальных и антропологических трансформаций. Мы живем в удивительное время, когда научные открытия и цифровые инновации буквально конструируют новый мир, «заселенный» измененными Другими: киборгами, аватарами, генетически модифицированными организмами, «умными» вещами и алгоритмами, претендующими на статус собеседника. То, что еще недавно воспринималось исключительно как фантастические сюжеты (от киберпанка Уильяма Гибсона до «Черного зеркала»), сегодня обретает черты если не повседневной, то, как минимум, прогнозируемой реальности. Нейросети генерируют тексты и изображения, роботы-компаньоны входят в наши дома, интерфейсы «мозг–компьютер» стирают границу между биологическим и техническим, а генная инженерия позволяет редактировать наследственный материал. Как показывают современные наблюдения, «сущности», которые ранее мыслились как объекты, зависимые и подчиненные человеку, сегодня все чаще обозначают статус равноправного агента взаимодействия (достаточно вспомнить случаи, когда нейросети вмешиваются в собственные коды или роботы демонстрируют поведение, не предусмотренное инструкцией).

В этой ситуации для культурологии как науки, традиционно ориентированной на поиск актуальных смыслов, анализ ценностей и понимание практик взаимодействия, определяющих «культурный фон» действительности,

насущной задачей становится осмысление этих глубинных сдвигов. Требуется не только фиксация новых явлений, но и выработка концептуального языка, позволяющего описывать и объяснять коммуникации, в которых человеческое и нечеловеческое переплетены в сложные, нередко неиерархические ассамбляжи.

Именно на решение этой амбициозной задачи направлена диссертация Антона Анатольевича Деникина. Автор предпринимает попытку не просто систематизировать существующие философские подходы (трансгуманизм, постгуманизм, критический постгуманизм, новый материализм, объектно-ориентированную онтологию, спекулятивный реализм), но и предложить оригинальную концепцию «постчеловеческой коммуникативистики» как самостоятельного направления гуманитарного знания. В этом смысле работа отвечает на острую потребность в пересмотре традиционных моделей коммуникации (от аристотелевской риторики до шенноновской теории информации) в условиях цифровизации, биотехнологических экспериментов и глобального «нечеловеческого поворота». Актуальность исследования не вызывает сомнений, а его обращение к обширному корпусу художественных и медийных практик (как зарубежных, так и российских) придает ему эмпирическую весомость.

Принципиальная особенность диссертации, определяющая как ее сильные стороны, так и слабости, – ее поисковый характер. С одной стороны, соискатель не стремится к простой верификации готовых истин, а пытается найти новый концептуальный язык для описания радикально изменившейся коммуникативной реальности. В этом главное преимущество работы: она отвечает на вызов времени, требующий свежих интерпретационных моделей. Однако поисковый подход неизбежно оборачивается и своей оборотной стороной: многие тезисы остаются на стадии гипотез и эвристических набросков, не получая окончательной авторской проработки.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и обширного библиографического списка (540 наименований, из которых 349 на английском языке). Такая организация материала отражает логику движения исследовательской мысли: от теоретико-методологического фундамента через анализ различных философских дискурсов к эмпирическому рассмотрению конкретных художественных и медийных практик, где эти модели находят свое воплощение. Однако следует сразу отметить, что структура страдает излишней дробностью. Разбивка глав на параграфы, а параграфов на подпараграфы (например, 1.1.1 – 1.1.5, 1.3.1 – 1.3.7) зачастую выглядит неоправданной, создавая эффект мозаичности и затрудняя восприятие целостной авторской логики. Особенно это заметно в первой главе, где обилие подпараграфов приводит к фрагментации сходных тем (различные аспекты телесности вынесены в разные подпараграфы). Объединение некоторых подпараграфов сделало бы текст более стройным и удобным для чтения.

Первая глава («Постчеловеческая коммуникативистика как область философско-культурологического научного дискурса: теоретические и методологические основания») закладывает категориальный аппарат и

методологическую рамку, которая затем применяется к анализу эмпирического материала.

Диссертант показывает, что традиционные теории коммуникации (линейная модель Шеннона–Уивера, семиотическая модель Якобсона, теории межличностных конструктов и др.) исходят из представления об автономном, интенциональном человеческом субъекте. Однако под влиянием постструктурализма, кибернетики второго и третьего порядка, а также цифровых технологий этот субъект «децентрируется». Автор вводит важное различие между «трансмиссионной» и «конститутивной» моделями коммуникации, утверждая, что постчеловеческая коммуникация – это не передача информации, а процессуальное становление, в котором участвуют как люди, так и нечеловеческие агенты. Сильной стороной этого раздела является детальный разбор различных философских течений внутри «нечеловеческого поворота» (трансгуманизм, объектно-ориентированная онтология, постгуманизм, энвайронментализм). Дискуссионным моментом выступает жесткое противопоставление «информационного взаимообмена» и «совокупности взаимодействий»: остается неясным, почему последнее не может рассматриваться как форма первого? В целом, подробное описание трансгуманизма, концепции «постчеловека», объектно-ориентированной онтологии, критического постгуманизма, энвайронментализма и экофеминизма – подтверждает эрудицию автора, но местами этот обзор превращается в реферативное перечисление, не хватает более активной авторской позиции в оценке противоречий между этими дискурсами.

В первой главе (1.2. «Постчеловеческая коммуникативистика как исследовательское направление») А. А. Деникин вводит новое понятие, определяя его как раздел коммуникативистики, изучающий «природу и строение техно-био-материальных взаимодействий, коммуникаций разнородных материальных и кибернетическо-цифровых актантов». Здесь же формулируются объект, предмет и задачи этого направления. Сильной стороной является попытка институционализировать новую область знания, что соответствует духу докторской диссертации. Однако тезис о «неоднородности» постчеловеческой коммуникативистики и отсутствии у нее «общих принципов и законов» ставит под вопрос ее статус как научной дисциплины: если нет единых принципов, то что объединяет исследования в этой области, кроме слова «постчеловеческий»?

Соискатель последовательно вводит такие концепты, как «постчеловеческий субъект», «агентность», «становление», «ассамбляж», «фигуральное», «интра-акция», «телесность», «аффект», «более-чем-человеческое восприятие». Наиболее оригинальным представляется понятие «фигуральности действия», которое автор разрабатывает на основе идей Ж.-Ф. Лиотара и Ж. Делёза. Фигуральное понимается как «нефиксируемый набор потенциальных действий человека, возможных в определенной ситуации выбора», как «случай возникновения различий между одним возможным и его инвариантами». Это позволяет соискателю утверждать, что содержание

постчеловеческой коммуникации – не сообщение, а «совокупность взаимовлияний и потенциальные фигуры состояний». Сильной стороной является попытка выйти за рамки семиотической парадигмы, однако понятие «фигуральности действия» требует дальнейшей операционализации: как именно исследователь может выявить и описать эти «потенциальные фигуры», если они не фиксируются в языке или репрезентации?

Сильной стороной первой главы является ориентация на перформативные методы, которые адекватны предмету исследования. Однако вызывает сомнение их практическая применимость в рамках традиционного академического текста: сам диссертант в основном использует интерпретативно-аналитические и компаративистские методы, а заявленные аффективные и дифракционные методы остаются скорее декларацией. Например, обещание «вовлеченного наблюдения» и «автоэтнографии» не подкреплено соответствующими разделами в эмпирических главах. Это методологическое несоответствие между декларируемым и реально применяемым инструментарием является одним из существенных недостатков работы.

Вторая глава («Трансгуманистические модели коммуникации в арт-практиках и медиапроектах») посвящена эмпирическому анализу проектов, которые прямо или косвенно опираются на идеи трансгуманизма. Автор рассматривает пять типов моделей: человеко-машинные взаимодействия и «протезные» коммуникации (2.1), телематику и телекоммуникации (2.2), нейрокоммуникации (2.3), коммуникации с био-измененными телами (2.4) и робото-человеческие коммуникации (2.5).

Автор убедительно показывает, что эти практики не столько «улучшают» человека, сколько ставят под вопрос границы его идентичности. Сильной стороной является анализ «риторики гостеприимства» Стеларка и его концепции «разделенного тела», а также вывод о том, что даже в самых радикальных протезных экспериментах сохраняется «человеческое в человеке» (чувство, эмоция, боль). Однако возникает напряжение между этим выводом и определением «постчеловека» как переходного состояния к нечеловеку. Кроме того, автору следовало бы более критически отнестись к самому понятию «киборг»: является ли использование смартфона или ноутбука киборгизацией? Если да, то граница между «постчеловеческим» и обычным «человеческим с техническими средствами» размывается.

А. А. Деникин анализирует такие феномены, как телеприсутствие, «вживление в чужое тело», совместное удаленное творчество. Он справедливо отмечает, что телематические коммуникации не ведут к «бестелесности», а напротив – обостряют телесное восприятие (например, работа «Telematic Vision» П. Сермона, где взгляд заменяет прикосновение). Однако соискатель, на наш взгляд, недостаточно критически оценивает утопические надежды на «коллективный интеллект» и преодоление антагонизмов. Опыт социальных сетей показывает, что телекоммуникации могут в том числе и усиливать конфликты и фрагментацию, а не только сплоченность.

Соискатель описывает эксперименты с нейро-когнитивными интерфейсами (НКИ), ЭЭГ-управлением, телепатической передачей сигналов (работы К. Уорвика, М. Николелиса, проект Neuralink И. Маска). Однако автор не задается более глубоким вопросом: если коммуникация через НКИ станет реальностью, сохранится ли в ней «постчеловеческая» специфика или это будет просто новый канал для передачи все тех же человеческих смыслов? Кроме того, этические аспекты (возможность «чтения мыслей» без согласия, манипуляция) затронуты, на наш взгляд, несколько поверхностно.

А. А. Деникин обращается к биоарту и трансгенным проектам и выделяет модель «самокоммуникации с собственным телом» (у Орлан) и «межклеточные коммуникации» (у Каца). Дискуссионным моментом является включение Орлан в эту главу: ее пластические операции – это, скорее, боди-арт и критика гендерных норм, а не коммуникация с «нечеловеческим» агентом (если только не считать собственное тело «другим»). Более релевантными выглядят проекты Пиччинини («The Young Family»), где гибридные существа действительно провоцируют вопрос о межвидовой коммуникации. В целом, соискатель убедительно показывает, что биоарт готовит зрителя к принятию генетически модифицированных существ, но не проясняет, как именно эти практики коммуницируют (в отличие от простой демонстрации).

В завершении второй главы А. А. Деникин рассматривает различные подходы к общению с роботами: семиотический, феноменологический, кибернетический. Анализируются проекты роботов-компаньонов (ASIMO, Kismet, Jules), а также художественные инсталляции с автономными роботами. Вывод соискателя о том, что идея «технической сингулярности» является спорной, поскольку человек несводим к компьютеру, звучит убедительно. Однако автор мог бы более детально обсудить, чем отличается «общение» с роботом от «использования» инструмента – это, как нам представляется, ключевой вопрос для коммуникативистики.

В целом, соискатель успешно демонстрирует, что трансгуманистические проекты, при всей их радикальности, сохраняют антропологическое ядро. Однако сама категория «трансгуманистическая модель коммуникации» оказывается пограничной: она описывает как реальные практики (нейроинтерфейсы, протезы), так и футуристические проекции (сингулярность).

Третья глава («Телесно-воплощенные взаимодействия в интерактивных арт-проектах как модель “постчеловеческой” коммуникации») – наиболее оригинальная часть диссертации. Здесь А. А. Деникин отходит от «техно-оптимистического» нарратива трансгуманизма и фокусируется на том, как интерактивные медиаинсталляции реконфигурируют телесный опыт.

Соискатель вводит важное понятие кайроса – своевременности, благоприятного момента, и связывает его с концепцией «гипокризии» (притворства, игры) как движения в сторону перформативности. Здесь же проводится различение «образа тела» и «телесной схемы»: в интерактивных инсталляциях зритель имеет дело не с репрезентацией своего тела, а с его схемой, т.е. с возможностью действия. Анализируются работы С. Миками («Molecular Informatics»), Р. Лозано-Хеммера («Body Movies», «Trace»), арт-

группы Sponge («TGarden»). Ключевой вывод: телесность реляционна и эмерджентна, она возникает в процессе взаимодействия с другими телами (человеческими и нечеловеческими). Задача такой коммуникации – не актуализация определенной формы, а «реализация инвариантов возможного». Этот вывод перекликается с понятием «фигуральности» из первой главы.

В заключении главы анализируются инсталляции К. Ринальдо («Autopoiesis», «Enteric Consciousness»), архитектурная скульптура «Son-O-House» и другие. Делается вывод о том, что в аутопоэтических системах зритель становится частью функционирования системы, а не внешним наблюдателем. Коммуникация здесь – это результат включенности в самовоспроизводящуюся сборку.

Четвертая глава («"Постгуманистические" модели коммуникации в контексте идей Нового материализма») выводит исследование на уровень онтологии. Автор обращается к работам Дж. Беннетт («вибрирующая материя»), К. Барад («интра-акция», «агентный реализм»), а также к объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана и Т. Мортона.

А. А. Деникин выделяет пять ключевых тезисов нового материализма, значимых для коммуникативистики: (1) медианосители – не инструменты, а актанты; (2) энактивное конструирование мира; (3) стирание границы между метафорой и объектом; (4) разум как побочный продукт действия тела; (5) отказ от эссенциализма. Уместной представляется критика «виталистического» нового материализма за то, что он не может полностью избавиться от человеческой исключительности (апелляция к «нашей роли» у Барад). Однако автор не предлагает выхода из этого противоречия.

Соискатель обращается к проектам Д. Морозова («Melt»), Х. Хиетанен и Я. Ниемеля («Heaven Machine»), Ж. Херцога и Ай Вэйвэя («Hansel & Gretel») и показывает, как в этих работах «коммуницируют» не люди, а «отдельные человеческие органы, материалы человеческих и нечеловеческих тел». Этот тезис граничит с парадоксом: если коммуникация происходит на уровне молекул, то сохраняет ли она еще смысл «коммуникации» (т.е. обмена знаками)? Соискатель, кажется, готов ответить «да», но тогда требуется переопределение самого понятия.

А. А. Деникин вводит понятие «техно-био-объекта» (по аналогии с «биообъектом» Т. Кантора) и анализирует, как в видеоиграх (Pokémon Go, Call of Duty) игрок и игровой объект взаимно конституируют друг друга через интра-акции. Особый интерес представляет анализ игровых сбоев (гличей), которые проявляют «волю» игрового объекта. Это интересный пример нечеловеческой агентности.

Кроме того, соискатель рассматривает наиболее радикальные версии постгуманизма, где человек полностью исключается из коммуникации (или, точнее, где коммуникация мыслится как происходящая между объектами сама по себе). Анализируются проекты Я. Кусамы (зеркальные комнаты, растворяющие субъекта), Зимоюна (самостоятельно функционирующие скульптуры), концепция «чужая феноменология» Я. Богоста. Соискатель показывает, что даже эти радикальные проекты не могут полностью избавиться

от человека, так как сам акт их презентации и осмысления предполагает человеческую перцепцию. Это важное самокритичное замечание, которое, однако, ставит под вопрос общий проект «нечеловеческой коммуникативистики»: если человек всегда остается «скрытым условием», то не является ли «постчеловеческая коммуникация» просто новой оптикой для изучения все той же человеческой коммуникации?

Пятая глава («"Более-чем-человеческие" взаимодействия в контексте философской теории аффекта и материального экокритицизма») синтезирует линии аффективного поворота и экологической философии. А. А. Деникин предлагает продуктивное соединение: аффект регистрируется в теле, но оставляет «недискурсивный остаток», позволяющий выходить за рамки субъектности. Соискатель анализирует работы П. Хьюге («After ALife Ahead»), К. Армстронга («Intimate Transactions») и показывает, как эти проекты создают «творческие экологии», в которых человек, животные, технологии и природные процессы взаимно настраиваются друг на друга. Ключевой вывод: «более-чем-человеческое» может интенсифицироваться с помощью художественных техник, но не поддается полному контролю. Автор обращается к материальному экокритицизму, биосемиотике и зоосемиотике (работы В. Уилер, Э. Кона, Д. Абрама); проектам Э. Холла («ENKI» – коммуникация с рыбой), Э. Каца («Darker Than Night» – коммуникация с летучими мышами), а также примеры «становления-с» животными (овцы, собаки). Сильной стороной является включение исследований животных (animal studies) и тезис о том, что коммуникация – это не человеческая привилегия, а фундаментальное свойство жизни.

Научная новизна диссертации выглядит доказанной: проведен комплексный философско-культурологический анализ постчеловеческих коммуникаций в художественных и медийных практиках; введено понятие «постчеловеческая коммуникативистика», позволяющее структурировать междисциплинарные исследования современных технологических и художественных феноменов; предложена классификация моделей постчеловеческой коммуникации, что задает новый ракурс для сравнительного анализа различных философских и художественных стратегий. Эта классификация может служить отправной точкой для дальнейших исследований, уточняющих границы между этими моделями.

Теоретическая значимость работы видится в расширении методологического инструментария современной культурологии; возможности использования результатов диссертации при разработке учебных курсов по философии культуры, медиаэстетике, теории коммуникации, а также в практике кураторства и художественного образования. Кроме того, работа А. А. Деникина вносит вклад в изучение культурной динамики конца XX – начала XXI века, связанной с распространением человеко-машинных, человеко-биологических и экологических коммуникаций.

Отмечая несомненные достоинства работы, следует высказать ряд замечаний как концептуального, так и технического характера. Некоторые из

них носят характер пожеланий, другие – принципиальных вопросов для серьезной научной дискуссии.

1. Нам понятен пафос исследователя, стремящегося утвердить концепт «постчеловеческой коммуникации» и направление «постчеловеческой коммуникативистики». Однако представленный в тексте диссертации фактографический материал вполне корректно можно интерпретировать и в контекстах именно человеческой коммуникативности, закономерным образом трансформирующейся в ситуации радикальных изменений коммуникативных сред. Этот момент является ключевым для дискуссии и требует от автора более четкой аргументации в пользу онтологического, а не только эвристического статуса «постчеловеческого». Многие из описанных феноменов (телематика, нейроинтерфейсы, видеоигры) могут быть поняты как новые формы человеческой коммуникации, а не как принципиально иной, «постчеловеческий» тип.
2. В определении предмета исследования соискатель говорит о «способах циркуляции нерепрезентативного знания». Если знание не репрезентативно (т.е. не отсылает к некоторому положению дел, не имеет пропозициональной структуры), то как оно фиксируется, передается и, главное, изучается культурологом? Этот методологический парадокс, характерный для многих постгуманистических работ, в диссертации не проясняется в достаточной мере.
3. В Положении 6 на защиту утверждается, что в трансгуманистических моделях «сохраняется человеческое в человеке (и прежде всего чувственное, эмоциональное, разумное, то есть биологически данное)». Однако далее «постчеловек» определяется как «гибридная сущность, пребывающая в переходном состоянии между человеком и нечеловеком». Возникает логическое напряжение: если это переход к «нечеловеку», то о каком сохранении «человеческого» в строгом смысле может идти речь? Автор, по-видимому, хочет сказать, что полная дегуманизация невозможна и любые «пост-» проекты сохраняют антропологический остаток. Но тогда не следует ли говорить не о «постчеловеке», а о «трансчеловеке» или о «гибридном человеке»? Этот вопрос требует дополнительной концептуальной проработки. В том же Положении (№ 6) соискатель включает «гендерную нейтральность» в число признаков, которые в трансгуманистических моделях являются «специфической стратегией коммуникации». Однако в тексте диссертации эта тема практически не раскрывается. Нет анализа того, как гендерная нейтральность проявляется в арт-практиках (кроме краткого упоминания работ Орлан и отсылки к постфеминизму). Нет обсуждения того, как аффективные коммуникации соотносятся с гендерной идентичностью.
4. В диссертации со ссылкой на критический постгуманизм утверждается, что животные, организмы, объекты, машины, процессы

и технологии обладают равным потенциалом для деятельности. Разделяет ли автор эту точку зрения буквально? Если да, то как быть с ответственностью (этической, юридической, экологической), которая традиционно возлагается только на человека? Может ли машина или бактерия нести ответственность за последствия своих «интра-акций»? Это одно из самых острых этических следствий постгуманизма, и диссертация выиграла бы от более развернутого обсуждения. Кроме того, автор пишет, что во Вселенной присутствуют «когнитивно непостижимые силы и интенсивности, которые хотя сами по себе и не ощущаются человеком, но проявляют себя в переходах между различными стадиями межактантных взаимодействий». Если эти силы когнитивно непостижимы, то на каких основаниях мы можем судить об их «проявлениях» и «участии в формировании аффектов»? Это утверждение граничит с метафизическим реализмом, который автор в других местах (например, в критике «корреляционизма») отвергает.

Несмотря на высказанные замечания (которые носят дискуссионный характер, вполне оправданный в рамках столь провокативной темы) можно сделать вывод, что диссертация А.А. Деникина «“Постчеловеческие” коммуникации в художественных и медийных практиках» является самостоятельным, завершенным научным исследованием, в котором выявлены и типологизированы модели постчеловеческих коммуникаций, обосновано новое направление в гуманитарном знании (постчеловеческая коммуникативистика). Работа полностью соответствует паспорту специальности 5.10.1. – Теория и история культуры, искусства (культурология), в частности, таким пунктам, как «Культура и коммуникация. Межкультурные коммуникации» (п. 38), «Медиакультура. Цифровая культура» (п. 75), «Роль цифровой среды в становлении новых культурных форм и практик» (п. 104), «Современный художественный процесс» (п. 127).

Результаты выполненной Деникиным А.А. диссертации нашли своё отражение в 1 монографии, частях коллективных монографий, в 60 научных работах, в том числе 29 статьях в профильных изданиях, включённых в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора наук.

Достоверность и обоснованность результатов проведённого исследования обеспечивается соответствующими заявленной проблематике целями и задачами работы, теоретико-методологическими подходами, проведённым анализом научной литературы, использованием комплекса методов анализа произведений и медиапрактик, разработкой обоснованных моделей постчеловеческой коммуникации, достаточным объёмом выборки эмпирического материала, личным участием автора на научно-практических конференциях.

Диссертация вносит существенный вклад в изучение культурной динамики эпохи цифровизации и техно-гуманитарного синтеза, отвечает требованиям пп. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней»,

утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24.09.2013 № 842 (в действующей редакции), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук. Автор диссертации, Деникин Антон Анатольевич заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора культурологии по специальности 5.10.1. – Теория и история культуры, искусства (культурология).

Отзыв подготовлен доктором культурологии (24.00.01. – теория и история культуры), профессором, профессором кафедры философии и культурологии Зубановой Людмилой Борисовной и доктором культурологии (24.00.01. – теория и история культуры), доцентом, доцентом кафедры философии и культурологии Тузовским Иваном Дмитриевичем.

Отзыв обсужден, одобрен и утвержден на заседании кафедры философии и культурологии Челябинского государственного института культуры 3 сентября 2026 года, протокол №1.

Заведующая кафедрой
философии и культурологии,
кандидат культурологии (24.00.01 – теория и история культуры),
доцент Долдо Наталья Валентиновна

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Челябинский государственный институт культуры»,
454091, Челябинск, Орджоникидзе, 36-а;
Тел: +7 351 263-89-32, Факс: +7 351 727-76-13
E-mail: info@chgaki.ru
Адрес сайта в сети Интернет: www.chgik.ru

Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Челябинский государственный институт культуры
Канцелярия

Челябинский государственный институт культуры
Подпись Н.В. Долдо
заверяю
Специалист по документационному обеспечению персонала
Подпись Храпшевская О.Г.
«03» 09 2026 г.